

СЕРГЕЙ ВОЛЖИН

ЭДЕЛИАДА
Том 3
ВОЛЯ СВЕТА

Сергей Волжин

Воля Света. Эделиада. Том 3

<https://litres.ru/73886566>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мир начинает распадаться, никто не понимает, где проходит граница между спасением и приговором. Свет больше не несёт утешения, а Тьма — не единственный враг. Реальность трещит, законы меняются, и люди оказываются лишь частью чужого расчёта.

Те, кто верил в порядок, сталкиваются с его истинной ценой. Те, кто искал свободу, узнают, что за неё приходится платить. Каждый выбор ведёт не к спасению, а к последствиям, которые невозможно отменить.

Когда приходит Свет — он не защищает. Он исправляет.

Содержание

Глава 1	4
Князь умер, да здравствует князь!	7
Цена жизни	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Волжин

Воля Света.

Эделиада. Том 3

Глава 1

Зов гибнущего мира прокатился по вселенной. Многие услышали его: и вечные скитальцы Иные, и, отрекшиеся от любых деяний Созерцатели, даже полузабытые Порубежные. Многие, однако никто из них не ответил, ибо право ответа принадлежало только Ему. Ему – Прародителю, Истоку Света, Держателю и Властителю мириад миров. И он ответил.

Усмирили ярость энергетические вихри, круговерти замерли в ожидании, звёзды застыли в страхе. Всё что ни есть сущее, сплочённое в одну упорядоченную, живущую по общим законам доктрину, прекратило движение. Всего на миг и этого мига Ему хватило. Хватило чтобы, преодолев немыслимые пространства, объявиться около взывающего о помощи мира.

Ещё только задумались набрать прежнюю силу круговерти, только-только рискнули вернуть мощь своим потокам вихри, звёзды едва успели начать оплакивать, разорванных перемещением Создателя, сестёр, а Он уже знал тех, кто ре-

шил попать его Волю.

Удивлению одного из Творцов не было предела. За миллионы лет существования он привык очищать подвластные ему миры от Тёмных созданий, но впервые ощутил их хозяев. Точнее одну из них. Ей оказалась та, кого он встретил совсем недавно. Та, чей след так быстро затерялся. Та, что изумила его и заставила вспомнить себя совсем молодого и неопытного, едва ступившего на путь созидания.

Поначалу он испытал, позабытое давным-давно, любопытство и радость от близкой встречи с заинтересовавшим его существом. Но после, осознав ненормальность, неестественность её теперешнего положения, пришёл в недоумение. Никогда ещё он не встречал столь дерзкий вызов вселенским устоям.

Мир разрывался на части, стонал от бушующих в нём трёх, таких разных и одновременно одинаковых, по сути, Сил и не был готов принять Его. Ярость охватила сверхсильного вершителя судеб. Призвав двух своих сильнейших прислужников, он отправил их исправить положение и стал ждать.

Планета обернулась вокруг своей оси пятьдесят шесть раз и переменялась. Его прислужники, при помощи смертных, выполнили волю своего хозяина. Наконец он, очередной раз, мог сломить каноны устройства мироздания и завершить начатое.

Ядро планеты содрогнулось: пришла в движение лито-

сфера, из пучин Бескрайнего моря поднялись новые горные хребты, старые сбросили ледяные вершины, изменили направления ветра, вулканы извергли огонь. Развеяв душу невинного младенца и заменив её своим естеством, Сын Света сошёл в Эделию.

Князь умер, да здравствует князь!

Эльфы называют его *Conclades'na lagri muna'i* – застывшие слёзы гор. Тролли, *Ilaja-andi* – холодный росток. Для людей же он просто – снегов цвет. Это удивительно выносливый цветок, растущий исключительно на Великом северном хребте, и напоминает свою полевую теплолюбивую сестру – ромашку, только вместо яркого желтка в середине, он радует глаз нежно розовой полусферой, обрамленной белоснежными лепестками.

Снегов цвет, за его способность нейтрализовать практически любой яд, ценят алхимики. Любят и шаманы орочьих племён: исключительно полезен этот цветок при контактах со строптивыми духами воды. Девушки княжества Слайбьёрн мастерят из него венки и вплетают в косы перед смотрящими, как велят им традиции севера.

Пришелся по нраву снегов цвет и княжичу Слайбьёрна, Натаниэлю Неоттону. Ещё в детстве он любил собирать его по склонам, и каждый раз, даря, вызывать восторг и радость сестры. Необъяснимо тогда было для мальчика это странное чувство, и только много позже, повзрослев, Натаниэль нашёл разгадку в своей душе. Повзрослела и Присцилла. Строптивая и холодная, совсем как снегов снег, она сменила любовь к диким цветам на страсть к золоту и драгоценным камням. Однако память о тех светлых, беззаботных днях продолжала

жить в сердце высокогородного мага, и каждый раз, при возвращении в столицу, его встречали тысячи лепестков горного цветка. Вот и сейчас они сыпали с неба, танцуя в воздухе с редкими снежинками. Они стелились перед ним белым ковром от площади Настоятелей до замковых ворот, убеляли его плечи и голову: так жители столицы Слайбьёрна приветствовали своего княжича.

Колокола храмов звоном вторили поступи благородного сына Бруста. Гремели медные трубы, менестрели воспевали его молодость, храбрость и красоту. Мужчины и юноши, в кольчугах и без, склоняли головы в знак почтения. Барышни, сдерживаемые рядами солдат, перекрикивая друг друга, пытались выделиться и таяли от восторга, ловя на себе взгляд его карих глаз.

Натаниэль привычно отвечал поклонами на похвалу, улыбками на улыбки и, редко, воздушными поцелуями на недвусмысленные предложения о женитьбе. Но сегодня, пытливый взгляд мог заметить некую скованность в его движениях, неискренность и чуть ли не холодность в лице. А если бы кто-нибудь смог прочесть его мысли... О, если бы хоть кто-нибудь.

Громадные, в четыре человеческих роста, ворота замка захлопнулись, отрезав торжествующую толпу. Натаниэль отряхнул голову, сжал в кулаке смешавшиеся со снегом лепестки и бросил холодный ком под ноги. Не ответив на приветствие стражей, он пересёк внутренний двор. Не замечая

поклонов челяди и реверансов родовой знати, вошёл в центральную башню. Тут он ускорил шаг и вдруг остановился. Над головой промелькнула крылатая тень. Натаниэль еле заметно кивнул и отворил дверь в тронный зал.

На исполинском каменном троне, который размером скорее подошёл бы царю горных волотов, восседал Дерек Неоттон. Эти двое были под стать друг другу: холодные, мрачные, будто оба высеченные камнетёсами из одного монолита, казалось, они находятся здесь с начала времён и нет той силы что сможет бросить им вызов. Сомневаться не приходилось – князь Слайбьёрна по праву занимал своё место.

– Мой мальчик! – прогремел Дерек. На его лице не дёрнулся ни мускул, лишь движения губ свидетельствовали – он, всё-таки, живой человек. – Тебе удалось провести этих глупцов! Я горжусь тобой!

Натаниэль не ответил. Он смотрел на отца отстранённым, почти пустым взглядом.

– Ну, что же ты? Всё вышло как мы и планировали. Половина золота за кристаллы уже прибыла. Наши шахты добудут ещё. Так или иначе Ладос падёт. Ну же! Неужели ты скорбишь об этом назойливом выскочке? Я с малых лет учил тебя: скорбь – пустая трата времени. Делай что велят и не обременяй себя эмоциями. Беспрекословное подчинение.

– Я отпустил Задиру, – подражая отцу, одними губами ответил Натаниэль. – В Ладосе многое пошло не по плану. Мне пришлось изменить... приоритеты.

– Не выполнил... Изменил приоритеты... Ты всё чаще поступаешь и говоришь, как столичные. Всё меньшеходишь на северянина. Будь твоя мать жива... Разочарование.

– Всё усложнилось.

– Всё предельно просто – ты баба. Мне тошно вспомнить, как ты скулил по своей сестре. По этой вздорной, помешанной истеричке. Она приносила одни расходы. Ты такой же. Вы оба позор рода Неоттонов. Вон.

– Нет.

– Хм... Решил поднять на меня хвост?

– Я пришёл освободить тебя от бремени власти, отец.

Стражники, стоявшие у дверей и по обе стороны от трона, чуть шевельнулись. На груди Дерека блеснул амулет готовый оградить хозяина от направленной на него волшбы. Сам князь, ничуть не изменившись в лице, поднялся и заложил руки за спину.

– Освободить от власти... Думаешь удивил меня? Глупый волчонок. Шестнадцать князей рода Неоттон правили Слайбьёрном и ещё не один не умер своей смертью. Я давно замечал в тебе жажду власти. Глаза, глаза всегда выдавали тебя. Ты способен обмануть любого, но не меня. Я вижу каждую твою мыслёнку. Думаешь одолеть меня магией? Что бы вести стаю нужно сначала отрастить клыки. Ты слишком слаб. Я это знаю. Ты это знаешь. Знает и народ. Народ не пойдёт за тобой.

Ответом князю стал звон одинокого колокола, медлен-

ный и далёкий. Удар. Второй. Третий. Послышался ещё один ближе. Ещё и ещё. Всё ближе и ближе. И вот уже гремел сам город, призывая жителей подтвердить давнее обещание делом.

– Этот колокольный звон будет тебе погребальным саваном, – холодно произнёс Натаниэль. – Народ на моей стороне. Ты следил за мной, но не видел главного. Не я один восстал против тебя. Против таких как ты восстаёт сам мир. Мир и все люди Эделии. Ты поддержал Варта и Орлика, однако не понял сути Раскола. Ты хотел, как и прежде, главенствовать. Единолично вершить судьбы. Такие как ты обречены. Такие как ты – прошлое. Мы же предлагаем будущее. Мы уничтожим Империю и на её обломках воздвигнем новый порядок. Новая власть. Власть людей.

– Власть людей?! – громом прогремел Дерек. – Ты ещё глупее, чем я думал. М-да, жаль. Неблагодарный щенок. Взять его!

Раздался шелест освобождаемых от ножен мечей, блеснули сдерживающие кристаллы: шестеро стражников приготовились исполнить волю князя. Натаниэль не двинулся с места. Над его головой мелькнула тень. Раз. Другой. Ещё. Затрепетало пламя факелов. Нечто тёмное подхватило одного стражника и швырнуло о стену. Мгновение и рядом с ним свалился ещё один. Двое встали спина к спине, укрывшись белоснежным куполом-барьером. Зря: чёрное пламя без труда пробило барьер и почти мгновенно пожрало их. Над до-

горающим месивом стали и плоти, из непроглядного смоляного дыма, появилась Присцилла. Расправив перепончатые крылья, она издала чудовищный визг. Оставшиеся два стражника вскинули руки, пытаясь оградить своего князя от опасности, но вдруг повалились на колени, а в следующий миг, сменяя стальные шлемы и латы словно бумагу, дробя кости и выдавливая внутренности, на них обрушилась тяжесть заклятья Натаниэля.

– Как видишь наших клыков оказалось достаточно, – спокойным голосом проговорил Натаниэль и двинулся к отцу.

Но Дерек не смотрел на сына. Его взгляд был прикован к чудовищной выдумке ужаса, явившейся в его замок. Разум князя кричал, вопил, подсказывая кем приходится ему этот монстр, но он отказывался верить. Просто не мог. И вот когда сил противиться правде не стало, Дерек разразился хриплым хохотом, теряющего рассудок безумца.

– Ты-ы! В кого ты превратилась?! Вот она ваша хваленная магия! Ты желала перетрахать всю знать Ладоса, а стала... стала звериной шлюхой! Страшной, уродливой...

Тут Натаниэль схватил отца за горло и повалил на пол, прямо в лужу крови защитников трона. Каменный венок, символ власти, слетел с головы старого правителя. Оберег бешено засверкал, тщась обнаружить и ликвидировать магическую угрозу. Безрезультатно. Таковой просто не было.

Дерек пытался разжать, задавливающие его горло руки, но сделать это оказалось невозможно. Так же невозможно,

как ссыльному каторжнику разжать стальные кандалы. По-немногу он стал слабеть. Глаза закатились, тело дёрнулось в предсмертной судороге. Ещё мгновение и громко выдохнув, с пола поднялся новый князь Слайбьёрна.

Присцилла подняла венок и не удержавшись слизнула с него кровь. Бросив взгляд на стражников, она умоляюще взглянула на брата.

– Не стоит, сестрёнка. Теперь тут всё наше. Поверь, я обеспечу тебя более подходящей едой.

Цена жизни

Натаниэль Неоттон первый раз услышал о, невероятной в своей дерзости идее, Власти народа ещё совсем мальчишкой. Тогда, в свои шесть лет, сидя на военных Советах отца, он часто слышал о неких Вольных – преступниках, жаждущих свергнуть императора и ввергнуть Эделию в хаос. Разумеется, будучи ребёнком, он никак не мог осознать всей сложности устройства государства и как-то за ужином попросил отца объяснить. «Император, Совет десяти, Церковь – вот всё что тебе нужно знать о своей стране, щенок! Твой долг служить и поддерживать существующие порядки, а не вникать в сумасбродные идеи преступного отродья», – таким был ответ Дерека Неоттона. А для пущей доходчивости, он прибавил к своему ответу увесистый подзатыльник и обещание оборвать уши, если ещё хоть раз услышит от сына речи про любую власть кроме императорской.

Был бы Натаниэль более послушным мальчуганом, вероятно тогда бы и сдался, но вместо этого он обратился с тем же вопросом к своему учителю. Седой старик не увидел большой беды в стремлении своего подопечного познать различные взгляды на мир и рассказал всё как есть, без прикрас. Многие почерпнул для себя из того разговора молодой княжич Слайбьёрна. Оказалось, что идея неоспоримого превосходства знатных родов над остальным, большим населением

Эделии – не единственный вариант мироустройства. Более того, выходило, что далеко не все люди в мире довольны своей судьбой. Натаниэль узнал, что есть те, кому совсем не по нутру прислуживать и гнуть спину в поклонах перед императором, его ставленниками князьями и теми, кто прозывал или мнил себя знатными семьями; были также не согласные отдавать четвёртую часть заработанного в казну империи и столько же церкви. Разумеется, в сложные отношения между простым эделийцем с гигантской машиной, прозываемой государство, он, в силу возраста, вникнуть не мог, однако само устройство мира, где малые числом правят многими, зародило в его сердце гадкое чувство царящей повсеместно несправедливости.

В стремлении лучше познать мир за замковыми стенами, Натаниэль подружился с сыновьями кузнеца и стал в тайне от прислуги сбегать с ними в город. Там он быстро сошёлся с местной детворой, и проводя всё больше времени среди простого люда, стал вникать в их беды и заботы, стремления и желания. Многое познал тогда для себя княжич Слайбьёрна, однако судьба решила пока отложить его окончательное преобразование и в девять лет раскрыла ему Светлый Источник.

В столичном Ладосе разум новоиспечённого чародея заняли уже совсем другие интересы. Но всё-таки, между зубрёжкой формул и осмыслением сложных тезисов в трудах великих магов прошлого, между бесконечной практикой творения, наложения, снятия, парирования, выскивания, рас-

познавания чар, постижением наук иных, никак не связанных с магией, идея Власти Народа нет-нет, да напоминала ему о себе. К тому же, в Семинарии разделение и неравенство людей проявилось для Натаниэля ещё ярче. В головы юных магов и чародеек, по мимо всего прочего, вбивали мысль об их исключительности, о несравнимо большей их ценности для государства, чем простых, не обладающих даром магии, людей.

Нужно ли говорить, что среди учеников Семинарии сын Дерекы Неоттона был чуть ли не единственным, кого возмущал данный взгляд на жизнеустройство. По крайней мере единомышленников он не встретил. И даже когда, чуть позже, в Семинарию приехала Присцилла, их больше не стало.

И вот, на втором курсе, случилась лекция по общему устройству государства Эделия. На ней десятилетний Натаниэль получил возможность задать терзающие его вопросы напрямую, не скрываясь и не тревожась о последствиях. Он прекрасно помнил основные тезисы из разговора с со старым учителем: всеобщее равенство и свобода, блага – каждому вровень, помнил и никак не мог понять, почему государь император Стридал Пенталор и Магический Совет были против этих простых правил. Однако ответы лектора были столь размытыми и не допускающими уточнений, что юный княжич даже вышел из себя и лишь обещание сурового наказания, смогло его утихомирить.

А вот на следующий день, Натаниэля и ещё двух ребят,

задававших вопросы о Вольных, пригласили на отдельную беседу. В пустом лектории, сам профессор обществознания предложил обсудить прошедшую лекцию. Мальчишки обрадовались несказанно и, совершенно не стесняясь, принялись сыпать вопросами. Разговор длился почти полный учебный день. Профессор отвечал честно, не делая скидок на возраст.

В тот день каждый получил своё: ребята ушли с твёрдым пониманием – Вольные являются главной угрозой для жизни всех людей Империи, профессор отчитался об успешно проведённом внеклассном занятии; а оглядчики, пристально просматривающие, ничего не подозревающие, сомневающиеся юные умы, об успешном вытравливании вольнодумства среди учеников. Так Натаниэль Неоттон откинул идею Власти Народа, как опасную и вредную для государства, по крайней мере, на время.

Прошло ещё три года. Проведение, у которого как видно были на молодого Неоттона свои планы, свело его с одной девушкой из простых. Юная прелестница, как ни старалась, не смогла разжечь в нём огонь любви, зато окончательно переменяла его взгляды на обустройство страны. Идея Власти Народа, на сей раз, осталась с Натаниэлем навсегда.

Тогда, уже вступивший в более осознанную жизнь, Натаниэль, вынужден был скрывать свои интересы от сокурсников, а пуще от учителей и профессоров. Через свою новую знакомую, он свёл дружбу и стал посещать тайные собрания тех, кого в империи называли Вольными. Вот так руковод-

ство ладосских раскольничьих групп, заполучив к себе сына князя Слайбьёрна, получило огромное подспорье в своей борьбе. Прошло ещё три года и после завершения Семинарии, вернувшись на родину, Натаниэль примкнул к тем, кто готовил переворот в Брусте.

Без малого десять лет заняла у них подготовка к смене власти. Десятки подкупленных или сведённых в преждевременные отставки воевод и сотников, сотни и сотни взяток чиновникам различных рангов, магам и оглядчикам, шантажи, подкупы, оговоры, угрозы жизни и просто убийства: Натаниэль и его люди не брезговали ничем. И вот, когда из верных императору Стридалу войск в Брусте остались лишь несколько сотен витязей и десятка личной стражи Дерека Неоттона, когда почти всё духовенство, все знатные семьи и купечество были на стороне заговорщиков, когда простой народ, узнав об отсоединении Лестора и Черестина, уже не дрожа и не озираясь по сторонам принялся обсуждать тот самый новый порядок не только ночью на кухнях, но и при свете дня на улицах – свершилось. Бруст, пусть пока и в тайне от Империи, принял сторону Вольных, а Натаниэль, прервав своими собственными руками жизнь отца, открыл для Слайбьёрна новую страницу истории.

Грядущий новый порядок требовал и новых традиций. Пусть не сразу, где-то со скрежетом и скрипом, а где-то и с мясом, но это было необходимо. Семь столетий каменный

венки князя Слайбьёрна переходили от отца к сыну. Семь столетий верховный жрец снимал его с усопшего правителя и передавал новому избраннику. Упразднением именно этой традиции, так ярко символизирующей старые догмы, Натаниэль решил провозгласить новую эпоху в своём княжестве.

С серого неба Бруста, уже который день, сыпал снег. Мороз загнал простых горожан в зипуны и валенки, люд побогаче приделся в меха. Перед центральным храмом города, толпа прощалась со своим последним князем. Сегодня не было ни слёз, ни стенаний. Никто не сетовал на судьбу, слишком рано забравшую правителя. Однако излишней радости и ликования не наблюдалось так же. Сомнение в выбранном пути и страх перед будущим – вот что занимало умы стоявших на площади.

Натаниэль пришёл от замка пешком. Без охраны, вообще без сопровождающих. Народ, завидя его, разошёлся, пропуская княжича к погребальному костру и по привычке, оголил головы. Большинство застыли в поклоне. Натаниэль недовольно скривился, оглядев толпу. Пройдя к телу отца, он склонился перед жрецами Триглавы, снял с его головы венки и вместо того, чтобы возложить его на себя, положил у ног мертвеца.

– Сегодня, – возвысил голос он, обращаясь ко всем, – люди свободного Слайбьёрна прощаются не только с последним своим князем! Сегодня они прощаются с самой концепцией власти меньшинства и богатства! С её идеей! С её око-

вами! Не стану вас обманывать, друзья мои, – впереди нас ждёт не лёгкий путь! Много крови ещё прольётся на землю нашу многострадальную! Но капли крови той, станут благодатным дождём, после которого поднимутся, окрепнут и разойдутся ростки новой жизни! Новой эпохи! Эпохи свободной от тирании! Эпоха Власти Народа! Это обещаю вам я, не княжич Неоттон, поставленный править рукой императора, но избранный людьми, вами избранный лидер! Лидер, слышащий вас! Понимающий вас! Принимающий веру истинную, нетерпящую злата искушения! Правящий от вашего имени и только во благо ваше! Да будет так. Ура!

С этими словами Натаниэль поджёг прощальное ложе отца. Огонь, не взирая на густо валящий снег, вмиг охватил и брёвна и самого мертвеца. В наставшей тишине, поглотившей, казалось, весь Бруст, слышалось лишь дыхание людей, прощавшихся со старыми порядками и яростный треск огня, будто бы благодарившего за предоставленную честь, провозгласить новую эпоху.

Ударил колокол храма. Второй, третий, и вот уже к ним присоединились десятки других, с храмов по всей столице. Собравшиеся перед собором люди застыли, а потом, все как один, не сговариваясь, в след за своим новым лидером грянули «Ура!».

Ликовал простой народ, приветствовала начало нового мира знать, а храмовые колокольни добавляли к обывательской радости, радость божественную. Натаниэль последний

раз бросил взгляд на тело отца и, не отвечая на благодарности и пожелания долгих лет, покинул площадь.

Была глубокая ночь. Ночь, в которую, вероятно, в Брусте не спал никто. Сегодня днём, снег скрыл под собой пепел последнего князя Слайбьёрна, а дальше... «Что нас ждёт дальше?» Этот вопрос сегодня задавал себе каждый. Задавал и страшился ответа.

Не спал и Натаниэль, но совсем по другой причине. Сидя в замке, напротив трона, он смотрел на него с презрением и отвращением. Для него это было олицетворением несправедливости, творившийся в Эделии почитай уже две с половиной тысячи лет. Этот трон был символом тирании неравенства и власти денег.

В дверь постучали. В зал вошёл сотник стражников замка и отчеканил:

– Сударь, доставили девушку. Вы просили в любое время. Пускать?

Лёгкая улыбка тронула лицо Натаниэля. Он оценил новые манеры сотника: головы он не склонял, смотрел прямо в глаза, говорил смело.

– Спасибо, Рольф. Проси.

Спустя время, десятник явился с раскрасневшийся от мороза девицей. Курносая и кареглазая, может чуть полнотелая, барышня не смела поднять глаз и смотрела в пол.

Натаниэль жестом попросил десятника выйти. Тот пони-

мающе улыбнулся, лихо отдал салют и покинул зал.

– Сколько... тебе лет? – устало вздохнул Натаниэль.

– Двадцать, государь, – робко ответила девица, так и не рискнув поднять взгляд.

– Как тебя зовут?

– Ула, государь.

Натаниэль недовольно прорычал и потёр пальцами лоб, как человек мучимый головной болью.

– Ула..., ты была сегодня на похоронах моего отца? Слышала про Власть Народа и свободный Слайбьёрн?

– Да, государь.

– Учения проходила, при храмах или в образовательных домах?

– Нет. Простите. Нет, государь.

– Понятно. – Натаниэль тяжело вздохнул, резко встал с кресла и подошёл к Уле. – На меня посмотри. Вот так. Теперь слушай. Во-первых: государем у нас принято называть лишь одного императора. Но ты от этого отвыкай – ему осталось не долго. Во-вторых: если ты не поняла моих речей у храма, могла бы попросить кого-нибудь из старших объяснить. Наступает новое время. Теперь незачем прятать глаза. У тебя такие же права, как и у меня. Понимаешь?

– Понимаю. – Ула хоть и смотрела прямо на него, однако по всему было заметно, близость к пусть и бывшему княжи-чу, заставляла её дрожать и дышать через раз.

– Ох... – снова вздохнул Натаниэль, – врешь ты. Ну да

ладно. Тысячи лет раболепия за один день не выбьешь. Пошли?

– Я вся ваша. – Тут глаза Улы широко раскрылись, она замерла с открытым ртом.

– Теперь-то что? – слегка улыбнулся Натаниэль.

Его улыбка придала Уле смелости. Она не сдержалась и прыснула со смеху, спрятав лицо в шаль.

– Извините. Извините меня, – отсмеявшись сказала она. – Всё, всё, больше не буду. Но... как же мне теперь вас... тебя называть?

– Да тебе это вовсе ни к чему, – ответил Натаниэль, поцеловав её руку.

Он вёл её за собой. Она следовала за ним словно во сне, была готова отдаться вся. Медленно и молча они проходили коридор за коридором, поднимались всё выше и выше. Факел в его руке, магическим светом освещал всё на добрые три сажени вокруг.

Натаниэль шёл не оборачиваясь, думал о другой. Мысли же Улы были только о нём, но она не могла не озираться на громадные, нескончаемые портреты его родственников. Их лица, столь разные чертами, но в то же время столь схожие выражением, рождали в ней страх. И действительно, создавалось впечатление, что все портреты Неоттонов, пусть и разделённые веками, рисовал один и тот же художник, находясь неизменно в траурном настроении. Будь то портрет девятилетней девочки или почтенного старца – люди на них

смотрели на мир неизменно хмурясь, будто бы подозревая против себя заговор.

Узкая витая лестница приветствовала их дверью с тяжёлым замком. Отворив замок и притушив факел, первым зашёл Натаниэль. Кромешная тьма, с недавнего времени, стала здесь хозяйкой, и он не хотел лишний раз её тревожить. Обернувшись, он заметил страх на лице своей гостьи.

– Что же ты стоишь? – отрешённо спросил он голосом, в котором от недавнего добродушия не осталось и следа. – Входи. Хотела провести со мною ночь – не робей.

– Здесь очень холодно.

– Я тебе согрею.

– А на завтра я буду княжной Слайбьёрна? – Чуть осмелев, Ула медленно шагнула вперёд и стянула с плеч тяжёлую шаль, оголив глубокий вырез платья.

– Боже, какая же ты дура, – прошептал Натаниэль, закрыл глаза и добавил чуть громче, уже не для неё. – Только быстро.

Присцилла выполнила просьбу брата. Ула не успела даже вскрикнуть. Её голова отлетела в темноту, безжизненное тело рухнуло на пол. Натаниэль поморщился и вытер со щеки крохотную капельку тёплой крови.

– Ты просто не можешь без своих выходов, да?

– Ты просил быстро. Насчёт аккуратно разговора не было.

– Я думал, это разумеется само собой.

Натаниэль увидел как кровь подбирается к его сапогам и

вновь усилил свет факела.

– Чего ты тут не видел?! – зло прорычала Присцилла.

– Просто хочу на тебя посмотреть, – придал голосу весёлости Натаниэль, обнаружив Присциллу висящую вниз головой и полностью закрывшуюся крыльями, словно заправская летучая мышь. – Ну давай, открой личико. А то так тебя от нетопыря совсем не отличить.

Присцилла выглянула из-за крыл и, зашипев, тут же снова спрятала лицо. Весёлость покинула Натаниэля: уродство сестры за несколько дней пребывания в Брусте ничуть не стало меньше.

– Всё также?

– Я тебе говорила – не важно использую ли я Силу этой шлюхи или нет! Это навсегда! Это её метка! Её... проклятие.

– Всё же давай ещё обождём. Попытаться стоит.

– Погаси.

– Прис, я...

– Убери свет! Оставь мясо и уходи!

– Прис...

– Уйдёшь ты или нет?! Мне больно, Нэйт!

– Хорошо.

Полностью погасив факел, Натаниэль почти сразу увидел, как в темноте зажглись два красных огонька – глаза его сестры. Ещё немного постояв, он нащупал дверь, но остановился, услышав за спиной:

– Постой. – Это простое слово прозвучало из уст Прис-

циллы словно мольба. – Нэйт... ты действительно веришь в то, что говорил сегодня, там, возле храма?

– Разумеется. Я же объяснял тебе.

– Ты, наверное, единственный Неоттон, не стремящийся к власти.

– Да. Наверное.

– Но такие как она... Рабство у людей в крови. Ты не сможешь переделать их.

– Их, может и нет. Но их детей... или их детей. Память крови сильна, но я верю – пройдёт лет сто, может двести... И тогда...

– Сместишь одного тирана – придёт другой.

– Я верю.

– Верь во что хочешь, но твоя идея смешна. А учитывая, что сейчас происходит в Эделии... Я поведала тебе о богах, о магах, способных поработать миры, а ты так и возишься со смертными.

– Я не нарушу обещания. Не знаю как закончиться эта заварушка, но если после неё останется хоть кто-то – я хочу чтобы они жили свободно.

– Ты ещё наивнее, чем эта девка.

Натаниэль снова улыбнулся: он расслышал тихие хрипы в голосе Присциллы и опознал их как смех, пусть и горький.

– Ещё не всё потеряно, сестрёнка. Мы с тобой ещё побарахтаемся.

– Уходи. Принёс – дай поесть.

– Прис, тут пришла весть из Ладоса...

– Плевать.

– Истиан Галлан – жив.

– Ложь.

– Мюриэл Листон оживил его с помощью ведьмы. Совет поёт ему дифирамбы. Ведьма мертва. О Валладоре ни слова.

– А она?

– Иллиан идёт на поправку.

– Они что-то сделали с ней. Я чувствую. Возмущения в Тёмном Источнике нарастают. Он всё больше напивается Эделию.

– Они становятся сильнее.

– Не только они. Я тоже. Я тоже, Нэйт. И они пожалеют, что предали меня. Ты же поможешь мне?

– Я... – Тут Натаниэль смолк. Он так и не отважился признаться Присцилле какой ценой ему дался их побег из Ладоса. Не смог он и сейчас и поэтому, в очередной раз, просто солгал. – Конечно, Прис. Мы же договорились: как только Грундиган будет здесь, я передам ему и его людям руководство и... Я буду с тобой до самой смерти, сестрёнка.

– Спасибо. Этот мертвец не сможет выстоять против нас двоих. Нужно лишь найти... Нужно узнать, что он планирует делать дальше.

– Над этим я много думал... Знаешь... тот старик, что помог нам в Ладосе, Фригстан. Я ищу его каждый день. Мне кажется, в нём есть нечто...

– Осторожно, Нэйт!

Крик Присциллы не дал Натаниэлю договорить. Она почувствовала чьё-то присутствие позади брата. Почувствовала угрозу и бросилась убивать. Он лишь успел отпрыгнуть, дабы не стоять у неё на пути.

Нестерпимо яркая вспышка разрывает тьму и свет заполняет собою всё. Натаниэль пятится, спотыкается о мёртвое тело Улы и падает ослеплённый. Присцилла закрывается крыльями, но свет прожигает их, словно бумагу. Она вопит от боли, взмывает в воздух и мечется по комнате, ища спасения. Свет разгорается всё ярче. Ярче и ярче. Он терзает, он упивается своим превосходством, стремится уничтожить противную ему Тёмную суть.

Натаниэль вскакивает на ноги и швыряет молнию туда, где, как ему кажется, находится источник неожиданных чар. В ответ свет лишь усиливается. Невероятно. Кажется ярче быть просто не может. Однако это так. Слышится старческий смех. Присцилла переходит на визг. Ещё молния. Вторая, третья. Эффект тот же и снова смех. Присцилла хрипит, захлёбываясь собственной кровью.

«Тремор» – заклятье Натаниэля сотрясает каменную кладку башни. Начинает вибрировать сам воздух, превращая лучи света в волны. Но это не может принести Присцилле облегчения. Теперь она просто воеет. Тихо, жалобно, предсмертно. Натаниэль бросается к сестре и укрывает её собой.

– Останови, прошу! – что есть мочи кричит Натаниэль. –

Прости всё что захочешь, но прошу останови это!

– Я лишь пришёл напомнить об обещании, молодой князь, – раздаётся голос. Свет медленно гаснет. Остаётся лишь совсем небольшой огонёк в другом конце комнаты. Огонёк дрожит и превращается в крохотного светлячка. В его дрожащем свете, стоит и нелепо улыбается, в изъеденном временем рванье, Юродя Фриг.

– За что? За что? За что?! – Руки Натаниэля дрожали. Он понимал – Присцилла ещё жива и нежно, как только мог, касался её, ощущая под руками живую обугленную плоть.

– Переходы нынче даются всё тяжелее, – сокрушился о чём-то своём Фриг. – Отголоски, как в старь, не угасить. Структурные поля перекошены. Что с Эделией делает эта борьба... Ровно канат друг на друга тянут.

– Помоги ей! Помоги, иначе тебе уже никто не поможет! – Натаниэль резко вскочил и в два шага оказался возле Фрига. Схватив безумца за шею, он легко поднял его: старческий горб даже слегка познакомился с потолочной балкой.

– Не стоять мне боле на ковыли золотой! – выдал совершенно искренне удивление Фриг, глянув на растерзанное тело Присциллы. – Эт ж кто её так-то?

Тут же перед лидером свободного Слайбьёрна, как наяву, возник погребальный костёр. Совсем как сегодняшний, только вместо ненавистного отца на нём возлежала его сестра. Ударил колокол, пламя взметнулось в небеса, пожирая снежные хлопья и изуродованное тело.

– Подохни, – только и смог вымолвить Натаниэль и вдруг обнаружил что не сжимает в руках ничего кроме воздуха. Обернувшись, он увидел Фригстана, который, со своим светлячком, будто так и нужно, стоял возле Присциллы и качал головой.

– Милая, милая, извини старика. Эка я не аккуратно. Уговор соблюдать требуется. Не-ет, так мне эта ошибка всей партии стоить будет. Сам напортачил – сам поправляй. Не мои слова. Его, его, его слова. А ну-ка, как ту у вас делается... Эх, давно я не брал мастей-то в руки.

Взмах трясущихся рук безумного пророка сотворил полупрозрачную, расшитую золотом и живыми цветами, шаль. Следующий взмах заставил шаль полностью накрыть израненное тело Присциллы. Фриг поклонился ей, словно извиняясь и дважды хлопнул в ладоши. Шаль растаяла в воздухе, оставляя Присциллу мирно спящую, совершенно нагую, но без единой раны.

– Во-от... Вот так. Так-то оно и лучше будет. Ты смотри красавица какая. Таких красавиц почитай теперь с огнём по всей земле не сыщешь. Нет, кто ищет тот-то всегда найдёт. Но я так скажу...

– Отойди! – рыкнул Натаниэль. Он мигом оказался рядом с Присциллой и застыл в изумлении. Тело его сестры всё еще несло на себе следы звериного уродства, однако теперь не столь тяжкие: крыльев как не бывало, в волосах ни следа от перепонки, руки едва деформированы. А вот ли-

цо... лицо его любимой сестры стало почти прежним. Почти. Лишь чуть большеватые клыки немного приподнимали верхнюю губу. Натаниэль тряхнул головой, сбрасывая наваждение, укрыл Присциллу плащом и вплотную подошёл к Фригу. Его руки сами собой тянулись к горлу, однако под впечатлением от увиденного, гнев быстро покидал бывшего княжича.

– Как ты это сделал?

Фриг в ответ еле шевельнул рукой, и его светлячок сорвался в полёт. Подлетев к входной двери, он будто задумался и пролетел правее. Тут его пламя осветило два растерзанных скелета с проломленными черепами и цепями на лодыжках. Вновь дав круг, он застыл над резной кроватью с балдахинном и толи случайно, толи нарочно, усилил свет, ярко выхватив лежащее на ней обглоданное почти до костей, тело. Не тронутые клыками Присциллы сапожки на меху, красно-речиво намекали на юный возраст их владелицы. Светлячок закружил на месте. Его свет затрепетал, словно осуждая весь мир за гибель этой несчастной. Повисев ещё немного, светлячок вспыхнул, рванул к Натаниэлю и остановился, лишь едва не врезавшись ему в лицо.

Натаниэль заслонился ладонью, а убрав, увидел Самуэля Фригстана в его новом обликии. Полоумный хрыч исчез. Сейчас перед ним стоял пожилой человек средних лет: уверенный, даже высокомерный взгляд, прямая осанка, вместо грязных паклей ровно зачёсанные назад, едва побитые седи-

ной, волосы. Лохмотьев как не бывало – вместо них простого покроя дорожный костюм из необыкновенной, мерцающей, белоснежной кожи.

– Злится, – кивнул Фригстан на светляка. – Помнит как, но сейчас не может вернуть душу в тело. Времена такие. В этой вашей треклятой Эделии Свет с каждым днём становится слабее.

– Да кто ж ты, бл..., такой? – тихо процедил сквозь зубы Натаниэль.

– Неверный ход. Когда вы, молодой человек, начнёте задавать правильные вопросы, то сразу станете получать нужные ответы.

– Присцилла... Ты... излечил её?

– Раны – да. Что же касательно всего остального... Увы, даже мне не под силу окончательно вытравить из неё эту заразу. Скажи спасибо Кад-Давре. У неё всегда был небольшой пунктик насчёт красоток. Дура баба. Даром что бог.

– Уродство... вернётся?

– Клянусь Зодчим, да чтоб я знал! Это ведь так... побочный эффект Касания Света. В конечном итоге она снова... М-да.

– А если...?

– Забудь. Она быстрее испустит дух. Но есть и положительный момент. Я там кое-чего добавил... Она не вспомнит сегодняшний вечер. Ни боли, ничего.

– Благодарю.

– Брось. Чего не сделаешь за ради хорошего человека.

– Зачем ты здесь?

– Ещё один правильный вопрос. Я здесь лишь для того, чтобы удостовериться, в силе ли ещё наш уговор?

– Я обещал тебе две жизни и ты их получишь. Ради этого не стоило калечить мою сестру.

– Повторюсь – это произошло произвольно. Что же до нашего уговора... У меня есть дурная привычка перестраховываться, знаешь ли. Нет, я понимаю, тебе нужно подготовить людей к переходу в Новую Эпоху. Так ты это называешь? Нелепая идея, как по мне. Ещё и сестрёнке нужно что-то кушать...

– Не смей!

– Извини. Вот мне и пришло в голову, а вдруг ты так и не понял с кем имеешь дело? Вдруг ты, как и все идиоты здесь, не разглядел под маской безумца своей истинной судьбы?

– Вон оно как. Мнишь себя вершителем судеб?

– Почему нет? Могу себе позволить. – Фригстан хитро улыбнулся и сел нога на ногу. Сел просто на воздух, так будто бы под ним было самое удобное кресло из всех, что только можно представить. Подперев подбородок, он уставился на Натаниэля и застыл, будто бы неживое изваяние. Светляк тихонько подрагивал над своим хозяином, заставляя тени плясать на его задумчивом лице.

– Я понял что имею дело... больше, чем обычным магом, – протянул Натаниэль и, сделав шаг назад, вновь скло-

нился над сестрой. Светляк сам собой подплыл к нему ближе, позволив лучше её разглядеть. Натаниэль не смог сдержать грустной улыбки, проведя ладонью по белоснежной щеке Присциллы. – Моё слово не рушимо. Я выполню обещанное.

– Рад слышать, – улыбнулся в ответ Фригстан. – Не хотелось бы опускаться до банального убийства. Тем более, что и Она уже на подходе. М-да... Хочешь посмеяться? Знаешь зачем таким как я, нужны театральные фокусы, наподобие видений о твоей сестре на одре или пролёта светлячка по комнате? Для вашего сознания. Отвлечь, так сказать, точку притяжения внимания. Иначе оно не сможет склеить причинно-следственные связи и тогда... пуф! Прощай твердь земная – привет Столп Создателя.

– Дальше?

– Дальше – твой вопрос. Ну же.

– Что будет с ней, когда я...?

– Хм... Да нет. Зачем так мрачно? Ведьмы жили в Эделии веками. Конечно всё больше по пещерам, да по чашам, но... всё лучше, чем вечное забвение. Как считаешь?

– Может быть. Может быть.

– Ну же! – оживился Фригстан. Спрыгнув с несуществующего кресла, он подошёл к Натаниэлю и по-дружески положил ему руку на плечо. – Выше голову! Сестру ты спас. Отдашь долг и свободен.

– Не искушай меня.

Натаниэль одарил Фригстана таким испепеляющим взглядом, что тот медленно убрал руку и почтительно отошёл на два шага. Однако тушевался он не долго. Вновь улыбнувшись, вернувшись к роли хозяина жизни, он, как ни в чём ни бывало, проговорил:

– Вот что, если бы я был вам другом, я бы советовал поскорее искать для жизни другой мир. Ну, только ей, разумеется. Ведь то, что грядёт в Эделии... Боюсь даже я не могу предсказать, чем закончится их столкновение здесь. Тут всё как-то... наиграно. Всё перекручено, переплетено, запутанно. Столько переменных. Вы смертные вообще... М-да. Как бы вовсе не в труху. Представляешь, как глупо бы ты выглядел? За все свои страдания выторговал сестре только два месяца. А то один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.